

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. М. Н. Козлов

г. Севастополь, Россия

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА: ОТ ВЕРХОВНОЙ ЖРИЦЫ ДО ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦЫ РУСИ

Аннотация: Предметом данного исследования стали исторические события, связанные с началом правления одной из самых ярких личностей древнерусской истории — княгини Ольги. Основная цель данной статьи — историческая реконструкция событий древнерусской истории конца 944–945 гг. на основе летописной легенды о мести великой княгини древлянам, а также целого ряда византийских, западногерманских письменных источников и народных преданий и легенд. В исследовании представлен оригинальный исторический анализ летописной легенды о мести княгини Ольги древлянам. Автор коснулся такой малоисследованной архаической части нашей культуры, как поминальная обрядность древнерусской воинской элиты, указал на явную взаимосвязь между древнеславянским обычаем жертвоприношений вдов на могиле высокопоставленных дружинников и принятием великой княгиней христианской веры.

Ключевые слова: княгиня Ольга, языческие обычаи, поминальная обрядность, человеческие жертвоприношения, христианская вера, антикняжеские выступления.

Информация об авторе: Михаил Николаевич Козлов — доктор исторических наук, профессор, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, д. 33, 299053 г. Севастополь, Россия. E-mail: kmn_75@mail.ru

Дата поступления статьи: 06.10.2016

Дата публикации: 15.03.2017

Отечественные научные исследования, посвященные княгине Ольге, делятся на несколько групп. В большинстве из них уточняются те или иные факты биографии великой княгини или анализируется ее хозяйственная деятельность, направленная на упорядочивание системы сбора дани в Древней Руси [24, с. 1–27; 21, с. 1–8; 25, с. 31–41].

Современные псковские и белорусские краеведы исследуют маршруты путешествий княгини Ольги, пытаясь определить ее роль в основании местных городков [3, с. 6–69; 2, с. 66–69; 29, с. 24–32].

Вызывает большой интерес у современных отечественных исследователей и религиозная политика первой русской княгини, в частности, уточняется время и место принятия Ольгой христианства, анализируется

ее деятельность, направленная на христианизацию Киевской Руси, а также ее контакты с византийским и западноевропейским духовенством [17, с. 150–192; 10, с. 8–14].

После гибели князя Игоря княгиня Ольга была вынуждена соблюдать восточнославянские языческие традиции и даже руководить человеческими жертвоприношениями во время поминок по князю Игорю. Данный эпизод ее жизни никак не вписывался в образ мудрой и милосердной княгини, созданный позднее христианской церковью. По этой причине первые годы правления княгини Ольги затрагиваются исследователями лишь вскользь, а самый яркий эпизод начала ее правления, представленный в «Повести временных лет» как месть княгини Ольги древлянам, трактуется чаще всего как устрашающий акт, направленный на усиление центральной власти и борьбу с племенным сепаратизмом [20, с. 39–42].

Между тем даже беглый анализ отрывка текста из «Повести временных лет» свидетельствует о том, что перед нами типичное описание языческого поминального комплекса в честь безвременно ушедшего князя Игоря. Летописец попытался превратить легенду в поучение о святости княжеской власти и неизбежности жестокой казни за посягательство на жизнь правителей, и, скорее всего, именно этим можно объяснить тот факт, что описание уникальных языческих обрядов попали в христианскую летопись. Основная цель данной статьи — историческая реконструкция событий древнерусской истории конца 944–945 гг. на основе летописной легенды о мести великой княгини древлянам, а также целого ряда византийских, западногерманских письменных источников и народных преданий и легенд.

«Месь» княгини Ольги, как следует из летописного рассказа, проходила в три этапа, последний из которых назывался «тризна». Так, согласно источнику, первую группу древлян «лучших мужей, числомъ 20» Ольга приказала зарыть живьем в ладье. При этом приносимые в жертву древляне вели себя абсолютно неадекватно. Вместо того чтобы защищать свою жизнь, они «сediaху в пергъбе въ великахъ гордшеся» [28, с. 41]. По всей видимости, они находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Поведение древлян в данном эпизоде легенды напоминает поведение девушки-жертвы из рассказа Ибн-Фадлана, которая, по словам арабского писателя, «веселилась и пела» перед смертью [14, с. 76]. В обоих эпизодах отчетливо угадывается присутствие языческих жрецов, заранее опоивших дурманом людей, предназначенных в жертву убитому.

Как верно заметил А. С. Карпов, далеко не случайно было выбрано и место жертвоприношения [17, с. 91]. Так, летописец сообщает о том, что первую группу древлян зарыли живьем недалеко от места, где находится церковь Богородицы: «Иде же дворъ теремный за святою Богородицею, надъ горою» [28, с. 41]. Княжья гора в языческую эпоху находилась в центре огромного курганного могильника. В центре этого могильника располагалось языческое капище, посвященное Перуну [34, с. 21–22]. Видимо, это святилище играло роль сакрального центра Древней Руси. Не случайно недалеко от руин капища Перуна в эпоху христианизации была построена соборная Десятинная церковь.

На ритуальный характер перемещения древлян в ладье указал еще О. П. Котляревский в своих «Погребальных обычаях древних славян». По мнению исследователя, такой способ перемещения древлян к месту казни символизировал путешествие души князя Игоря в языческий рай по небесному своду [19, с. 117–119].

Вслед за ним связь легенды о мести княгини Ольги с погребальным ритуальным комплексом отметили О. М. Рапов и А. С. Карпов. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что на момент осуществления Ольгой «мести древлянам», по словам летописца, князь Игорь был уже похоронен «в Деревяхъ». Позднее княгиня Ольга «плакалась» у могилы погибшего князя также в древлянской земле. Таким образом, обряды, описанные в легенде о мести княгини Ольги, не могли быть связаны с погребением Игоря. В легенде описан поминальный ритуальный комплекс.

Вызывает недоумение и другой эпизод летописного рассказа. После убийства своих гостей княгиня Ольга приказала древлянам снова отправить людей на казнь: «И послав Ольга к древлянамъ, рече имъ, пришлите мужи лучшии» [28, с. 41]. Кого именно Ольга отправила в Искоростень? Согласно данным летописи, княгиня приказала убить древлянских послов и, следовательно, отказалась от предложенного древлянами мира. Таким образом, делегация киевлян, которую отправляла к древлянам княгиня, была заранее обречена на гибель. Между тем никаких данных о гибели посланцев Ольги в летописи нет. Несколько проясняет ситуацию «Летописец вкратце» патриарха Никифора, в котором сообщается о том, что после казни «лучших людей» древлянского племени Ольга приказала «другим лучшим послам приятна мне речь ваша, и направьте ко мне лучших» [35, стб. 26].

Таким образом, княгиня после казни несчастных жертв передала свой приказ через тех самых «древлянских лучших мужей», что недавно прибыли в Киев. Следовательно, никто не убивал древлянских послов, и они благополучно вернулись в свои дома. Жестокой казни были подвергнуты специальные жертвы, возможно, рабы, присланные древлянским союзом в качестве платы за убийство князя Игоря. В пользу этой гипотезы свидетельствует и тот факт, что древляне после двойного убийства «послов» пустили Ольгу в Искоростень со всей дружиной.

Согласно «Повести временных лет», приношение первых жертв не удовлетворило княгиню, и она снова обратилась к древлянам: «пославши, Ольга ко Деревлянамъ <...> пришлите мужи нарочисты» [28, с. 41]. Древлянские же бояре «лучышии мужи, иже деръжаху Деревьску землю», собрались на совет и снова выслали группу обреченных на смерть людей в Киев. В Искоростене, находившимся недалеко от Киева, не могли не знать о казни людей, посланных древлянами ранее. Тем не менее были отправлены в Киев новые жертвы, принявшие жестокую смерть. Как свидетельствует источник, они вполне добровольно зашли в баню, вымылись перед смертью и были сожжены живьем: «влезосе деревляне начаша ся мти и повеле зажечи про дверни ту изгорши вси...» [28, с. 41].

Как и их предшественники, жертвы из второй группы не пытались сопротивляться. Вероятно, одурманенные жрецами, они также не осознавали в полной мере происходящее. Горящая баня символизировала погребаль-

ный костер, с которого души сожженных заживо люди должны были попасть в «ирий» — древнеславянский загробный мир и стать слугами князя Игоря.

В отличие от первых двух этапов мести княгини, третий этап был назван «тризной» и осуществлен «в граде идеже оубисте» мужа княгини [28, с. 41]. Кроме хмельного пира, поминальный обряд включал также плач Ольги над останками мужа и возведение кургана над его телом — «Ольга приде ко гробу его и плакася по муже своемъ... і повеле людем своимъ ссути могилу велику...» [28, с. 41].

Большой интерес представляет способ убийства третьей группы древлян, присутствующих на поминальном пиру. По словам автора «Повести», древляне после церемонии трапезы были зарублены воинами Ольги: «Седоша деревлне пити <...> і повеле Ольга отрокам своимъ пити на нь, а сама велела дружине сечи Деревлне и иссекоша ихъ» [28, с. 41–42].

В первую очередь привлекают внимание две важные детали в описании тризны. Во-первых, воины княгини Ольги, по ее приказу, пили в честь будущих жертв, сидевших рядом с ними на поминальном пиру: «пили на ня» [28, с. 42]. Это значило, что все действия, происходившие во время тризны, были жестко регламентированы, и древляне были обречены задолго до их убийства. Это хорошо понимала как киевская дружина, так и сами древляне. Во-вторых, третья группа жертв была не просто убита, подобно их предшественникам, а «иссечена мечами», что предполагало наличие битвы, вооруженного столкновения. Этот бой хорошо соответствует самому характеру славянской языческой тризны как «битвы», «поединка». Древнерусский термин «тризна» изначально означал «соревнования», «подвиг», «поединок», «тризнище» — место проведения поединка [33 с. 795]. Вероятно, погибшие во время поминального пира жертвы должны были составить его дружину князя Игоря в загробном мире.

Интересно, что, согласно сообщению арабского путешественника Ибн-Фадлана, после смерти царя руссов часть его дружинников добровольно соглашалась умереть, чтобы стать его телохранителями в загробном мире [14, с. 76–77].

Принесение человеческих жертв во время погребальных и поминальных церемоний практиковалось в среде воинской элиты западных славян. К этому выводу позволяет прийти один из рассказов «Великой Хроники о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.», в котором сообщается о совершении одним из местных князей, по имени Попел, поминальной тризны в честь своего умершего сына. Согласно данному источнику, польский князь собрал своих родственников и предложил им выпить в честь своего сына-покойника. Родственники, не боясь предательства, согласились и были отравлены князем [6, с. 62].

Обращает на себя внимание сходство обрядов, описанных в «Легенде о княгине Ольге» и рассказе о князе Попеле из «Польской Хроники». В обоих случаях описывается ритуал поминок недавно умершего человека. Будущие жертвы обряда как в отрывке «Повести временных лет», так и в отрывке «Хроники» пировали вместе с родственниками мертвеца и после застолья были убиты в честь уже захороненного покойника.

Таким образом, события, описанные в «Легенде о мести княгини Ольги», во время проведения «тризны» были не случайны, а входили в обязательный поминальный языческий ритуал, распространенный в славянском мире в IX–X вв. Этот вывод подтверждают слова самой княгини, которая в одном из отрывков «Легенды» оправдывает свои кровавые поступки тем, что «мстила <...> второе и третье, когда творих тризну мужу своему...» [28, с. 58].

Интересно, что «Повесть временных лет» вполне определенно указывает на тот факт, что всеми поминальными обрядами, в том числе и человеческими жертвоприношениями, руководила сама княгиня Ольга. Интересно, что на одной из миниатюр Радзивиловской летописи великая княгиня изображена как главный распорядитель всех поминальных обрядов [36, л. 7]. Поминальными обрядами в честь погибшего великого князя могла управлять лишь верховная жрица бога Перуна — покровителя умершего князя.

Большой интерес вызывает также установление конкретных сроков осуществления всех трех этапов поминального ритуала относительно даты гибели князя Игоря. Как свидетельствует «Повесть временных лет», киевский князь погиб осенью 945 г. во время полюдьы [28, с. 55]. Византийский император 10 столетия Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» сообщает, что сбор дани киевскими князьями начинался в ноябре. Тогда, по его словам, великий князь «со всей Русью», т. е. большой дружиной, выходил на полюдь и собирал дань с подвластных ему племен. После сбора дани с крупных племенных союзов он распускал свою дружину «на прокъ их» до весны. В апреле месяце, когда сходил лед на Днепре, дружина вновь собиралась в Киеве [18, с. 165–166]. Исходя из этих данных, можно предположить, что поход князя Игоря проходил в ноябре месяце. Последний этап мести княгини Ольги происходил еще до того, как она распустила свою дружину «на прокъ их», т. е. в начале зимы. Исходя из этого, весь поминальный ритуал происходил примерно в течение месяца после смерти князя Игоря.

Иоанн Менеций в своем произведении «О языческих обычаях пруссов, ливов и других соседних народов» сообщил о том, что у живущих в Речи Посполитой русичей поминки по умершему осуществлялись на 3, 9, и 40 день после смерти покойника. Жена покойного должна была в течение месяца после похорон рано утром и поздно вечером ходить к могиле бывшего супруга и оплакивать его [16, с. 152].

Если сопоставить сведения из «легенды о княгине Ольге» с данным польского священника, то можно предположить, что главные этапы «мести» княгини и, следовательно, три главные группы поминальных обрядов в честь князя Игоря пришлись на 3, 9 и 40 день его смерти. Данные Иоанна Менеция проливают свет еще на одну интересную деталь, на которую указывает «легенда», — плач княгини Ольги над телом ее бывшего мужа. По словам польского историка, через 40 дней после смерти покойного его бывшая жена освобождалась от траура и считалась далее свободной в своих поступках. Таким образом, «плач» княгини отметил конец траура по мужу-покойнику и разорвал брачные узы между Ольгой и Игорем.

Разумеется, необходимо учитывать тот факт, что польский священник описывает поминальный комплекс, смягченный почти шестью веками христианства. Кроме того, его данные касаются обычаев простых крестьян, не имеющих никакого отношения к местной элите. Окружение великой княгини ждало от Ольги, скорее всего, не только ее «плача» над останками мужа, но и традиционного самоубийства на его могиле. Как верно заметил О. М. Рапов, по славянскому моральному языческому кодексу жена князя после смерти мужа также должна была добровольно уйти из этого мира. Ей просто неприлично было бы жить, если ее муж умер [30, с. 156].

О существовании подобных обычаев у наших предков-язычников свидетельствуют данные арабских, византийских и германских авторов. Так, Аль-Масуди, арабский писатель X в., в своих «Золотых лугах» сообщает о том, что «если у восточных славян умирает мужчина, то сжигается с ним жена его живою; если же умирает жена, муж не сжигается» [1, с. 129]. О наличии у восточных славян дохристианского периода жестокого обычая убийства вдов на могилах своих мужей рассказывают и другие восточные авторы X в.: Ибн-Даста и Аль-Бекри [13, с. 270; 15, с. 55–56]. Византийский император Маврикий в своем «Стратегиконе» сообщает о том, что жены древних славян-дружинников лишали себя жизни на могилах мужчин. Это якобы следовало из первоначальной чистоты нравов древних славян [23, с. 694].

Сведения арабских и византийских авторов подтверждают и германские миссионеры, наблюдавшие подобные обряды у западных славян. Так, Титмар Мерзебургский в своей «Хронике» повествует о том, что у польских славян X в. на гробе мертвого мужа предавалась смерти его жена. После убийства жертвы ее останки хоронили вместе с трупом мужа в одной могиле [38, с. 87–88].

Данные письменных источников в целом подтверждаются результатами археологических раскопок. Среди захоронений в дружинных курганах IX–X вв. процент «парных захоронений» достаточно высок. Особенно часто данный обычай фиксируется исследователями в курганах древнего Киева [5, с. 94], а также захоронениях Шестовицкого, Гнездовского и Тимиревского могильников [4, с. 128–129; 11, с. 95; 32, с. 248]. В целом, в южных районах Киевской Руси раннего Средневековья было зафиксировано около 7% неединичных могил от общего количества захоронений [26, с. 29].

Таким образом, в самом конце поминальных обрядов Ольга должна была совершить традиционное самоубийство на могиле погибшего мужа. Единственным спасением княгини Ольги было немедленное принятие христианства, согласно канонам которого самоубийство считается тяжким грехом. В «Хронике продолжателя Региона Прюмского» сообщается, что «русская королева Ольга приняла христианство в правление императора Романа в 946 г. [31, с. 45–46].

Система летоисчисления, используемая русским летописцем при написании «Повести временных лет», часто не совпадает с летоисчислением западных и византийских хроник. Разница в датировке событий 20–50-х гг. X в. составляет примерно один год. Так, например, князь Игорь не мог заключить с императором Романом мирный договор в конце 945 г., как ука-

зано в «Повести временных лет», поскольку император уже в начале осени 945 г. был отстранен от власти. Мирный договор, скорее всего, был заключен в конце 944 г. Таким образом, и князь был убит в древлянской земле во время сбора полюдья не в 945, а осенью 944 г.

Сразу после убийства князя состоялись (еще до роспуска дружины на зиму) переговоры между руководством древлянского союза и княгиней Ольгой и поминальные обряды в честь убитого князя. Во время этих поминальных обрядов княгиня Ольга еще выполняла функции верховной жрицы, фактически управляя всеми обрядами, в том числе и человеческими жертвоприношениями, и никак не могла быть христианкой. Принятие христианства стало для нее единственным выходом после совершения поминальных обрядов. Вполне возможно, что сразу после возвращения из Искоростеня, где княгиня «плакалась» над гробом мужа, Ольга отправилась в Константинополь, где правил император Роман и приняла христианство в начале 945 г.

Месть княгини Ольги действительно состоялась, но уже в 945 г, после того как были соблюдены все формальности, связанные с поминальными обрядами и трауром по погибшему Игорю. Летопись описывает поход киевской дружины на древлян следующим образом: «В лѣто 6454 Олга съ сыномъ своимъ Святославомъ събра вои многы и храбры, идет на Деревъскую землю. Изидоша Древляне противу; и снемшимася обѣима полкома на совокупъ, и суну копьемъ Святославъ на Древляны, копие лѣтъ сквозь уши коневъ, бѣ бо велми дѣтескъ. И сказалъ Свѣнделдъ и Асмудъ: «князь уже потягль; потягньмъ, жена, и мы по князь... И побѣдиша Древляны; и возложиша на нихъ дань тяжелую, и двѣ части даны Кыеву идет, а третья Вышегороду ко Олзѣ: бѣ бо Вышегород Олгинъ градъ» [28, с. 29–30].

В данном отрывке привлекают внимание несколько существенных деталей. Во-первых, малолетний Святослав, который, по словам летописца, был еще «велми дѣтескъ», назван Свенельдом князем. Это означает, что княжеский титул унаследовал все же Святослав, а Ольга, вероятно, была лишь регентшей. В противном случае Свенельд назвал бы Святослава княжичем. Во-вторых, существенную поддержку княгине Ольге оказывали именно варяги — Свенельд и Асмунд, т. е. часть дружины, среди которой, по данным летописи, было «много христиан». В-третьих, Святослав предстал в данном историческом эпизоде не ребенком, как видно из комментариев летописца, а подростком, сумевшим перебросить тяжелое копье через голову коня.

Ряд современных исследователей, опираясь на восточнославянские летописи, высказали предположение, что к моменту гибели князя Игоря Святославу уже было больше двадцати лет [30, с. 158; 22, с. 86].

Гипотеза Г. Г. Литаврина, Е. М. Рапова явно противоречит данным летописи. Так, по языческим канонам, Святослав в двадцать лет считался бы полностью совершеннолетним и сам бы возглавил поход на древлян. Во всяком случае, он должен был уже хорошо владеть копьем. Да и древлянам в таком случае не было смысла предлагать своего князя Мала в мужья княгине Ольге, если верховную власть в государстве должен был унаследовать Святослав. Скорее всего, описание летописцем эпизода с лошадью соответствует действительности и на момент гибели князя Игоря Святослав

был подростком, достаточно взрослым, чтобы поднять копье и перебросить его через голову коня, но недостаточно, чтобы унаследовать верховную власть в государстве.

Интересно, что согласно Новгородской первой летописи военной кампании княгини Ольги против древлян предшествовали походы Ольги на север Руси [27, стб. 79–80].

В основе новгородских летописей, по мнению исследователей, лежит древнейший летописный свод, автономный от древнего свода «Повести временных лет». Он вызывает меньше подозрений в фальсификациях, чем текст «Повести временных лет» (в частности, новгородские летописи не содержат легендарного материала о гибели Искоростеня от голубей). В случае, если данные новгородских летописей соответствуют действительности, Ольга и ее дружина совершили поход в Новгородскую и Псковскую землю еще до похода на древлян. Вместе с тем трудно выяснить, действительно ли Ольга только установила на этих землях «уроки и дани» или этому предшествовали военные действия, и летописцы вычеркнули события, предшествующие административной реформе. Необходимо упомянуть, что подобные «уставы и уроки» Ольга установила в древлянской земле лишь после ожесточенных военных действий. В любом случае сам факт того, что Ольга считала необходимым отправиться на север Древней Руси, прежде чем усмирить мятежную древлянскую землю, свидетельствует о том, что беспокойно было в это время и в других восточнославянских землях.

Большинство исследователей усматривают в действиях княгини Ольги во время проведения административной реформы попытку усилить экономический контроль Киева над подвластными землями, или ликвидировать племенных князей [9, с. 295–296; 37, с. 108–109].

В условиях внутринеополитической нестабильности Ольга вряд ли осмелилась бы воевать одновременно с новгородскими, псковскими и древлянскими племенными союзами. Скорее всего, в летописях говорится о банальном подавлении сепаратистских восстаний, толчком к которым стали как ослабление позиций Киева после гибели князя Игоря, так и религиозная политика княгини Ольги.

Если княгиня Ольга приняла христианство уже в 945 г., то и свои знаменитые походы в древлянскую землю и на север Руси она совершала, будучи христианкой. Вероятно, тогда княгиня и стала насаждать христианство на восточнославянских землях. Данная гипотеза находит подтверждение в «Памяти и похвале Владимиру» Иакова Мниха — источнике XI в. Согласно данному источнику, княгиня Ольга приняла христианство в Византии сразу после смерти мужа и разрушила несколько языческих святилищ: «Та бо блаженная княгине руская Олга, по смерти мужа своего Игоря, князя русаго, освещена бывши божиею благодатию и в сердци припиши божию благодать... въставши иде в землю Гречскую, в Царьград, идеже цари крестиани и крестьянство утвердися и пришедши проси крещения, и приимши святое крещение възвратися в землю Рускою, в дом свой и к людем своим с радостию великою, освещена духом и телом, несущи знамение честнаго креста. И потом требища бесовская съкруши и нача жити о Христе Исусе, възлюбивши бога всим сердцем и всею душею» [12, с. 150].

Сообщение Иакова Мниха в полной мере подтверждают данные археологии. К середине X в. археологи относят появление значительного количества труположений в грунтовых ямах в сопках новгородских славен, длинных курганах кривичей, захоронениях древлян и волянян. В середине X в. перестало функционировать племенное святилище древлян недалеко от Шумска [32, с. 172, 159–162, 97, 104–106].

Отголоски событий, связанных с борьбой княгини Ольги с язычеством, сохранились в народных преданиях. Вот что повествует одна из народных легенд, записанная Ф. Гиляровым в середине XIX в.:

«Когда святая Ольга построила себе церковь на краю отвесного утеса между Обручем и Житомиром и многие язычники, проникнуты святостью христианской веры, покинули древних своих богов и стали поклоняться Богу своей княгини, то эти боги, опасаясь лишиться со временем всех своих поклонников, решили положить конец дальнейшему распространению христианства и с этой целью вознамерились уничтожить семя, из которого оно так быстро развивалось, то есть Ольгину церковь. Выполнения этого дела, как и всякого другого злого замысла, была возложена на Чернобога. Чернобог, блуждая однажды по противоположному берегу и пылая яростью от увиденного ненавистного ему храма, оторвал от соседней скалы огромный кусок камня и мощной рукой бросил его через реку в церковь, надеясь разрушить ее одним ударом. Но всемогущий Бог отразил неминуемую опасность: огромный камень, не долетев до церкви, чуть ниже от нее ударился в утес и глубоко врезался в него, создав своеобразную кровлю над естественным уступом. Впрочем, неудача не остудила желание языческих богов снова испытать свое могущество. На этот раз все они соединились, чтобы общими силами исполнить задуманное. Перун (бог грома), Волос, Стрибог, Чернобог и прочие подведомственные им боги и духи с громом, бурей и дождем бросились на одинокую церковь, дружным ударом поколебали ее в основе и сбросили с высоты утеса в пучину реки. В этом месте, по мнению народа, река не имеет дна, и из глубины ее в час полуночной тишины, нередко слышится запоздалому путешественнику то протяжный благовест колоколов, то стройный хор молебного пения» [8, с. 87].

Летописец называет Ольгу мудрой и говорит о ее большой популярности в народе, но появление в «Повести временных лет» после 945 г. целого ряда «пустых» лет вплоть до 955 г. красноречиво свидетельствует о серьезных трудностях, с которыми столкнулась Ольга во время своего регентства.

Историк XVIII в. Христиан Фризе, использовавший в своих произведениях не дошедшие до нас «Моравские хроники», сообщает в своей «Истории польской церкви» о каком-то варяге Олеге или Александре — дальнем родственнике короля Моравского. В 945 г. Олег Моравский, по словам автора, отправился на Русь к Ольге, помогая ей удержаться на престоле и ус-

мирить врагов [7, с. 176–177]. Если данные этого источника соответствуют действительности, то сразу после отказа Ольги принести себя в жертву в 945 г. в ее землях началось большое восстание, грозившее ей полной потерей власти.

В «Повести временных лет» говорится о том, что во время правления князя Игоря именно среди варягов было наибольшее количество христиан. Таким образом, поддержку княгине Ольге должны были в первую очередь оказать варяги под предводительством Свенельда и Асмунда. В их войске вполне мог оказаться и варяг Олег, о котором сообщает Христиан Фризе.

Таким образом, княгиня Ольга после гибели мужа вынуждена была пойти на переговоры с древлянским племенным союзом и заключить с ними перемирие на время осуществления поминок по убитому древлянами князю.

После осуществления всех необходимых поминальных обрядов княгиня Ольга отказалась приносить себя в жертву погибшему мужу. Отказ киевской княгини от ритуального самоубийства, а также принятие ею христианства спровоцировали целый ряд восстаний на окраинах восточнославянского мира и в древлянской земле, подавленных с помощью варягов-наемников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аль-Масуди*. Золотые луга // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / собрание, перевод и объяснения А. Я. Гаркави. СПб.: Тип. современных известий, 1870. С. 117–176.
- 2 *Афанасьев Ю. И.* Образ княгини Ольги в Псковских летописях // Псков. 2011. № 35. С. 66–69.
- 3 *Афанасьев Ю. И.* Образ княгини Ольги в русских летописях // Псков. 2013. № 38. С. 65–69.
- 4 *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наук. думка, 1977. 233 с.
- 5 *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. Київ: Наук. думка, 1982. 103 с.
- 6 Великая Хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В. Л. Янина, пер. Л. М. Поповой. М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с.
- 7 *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада / пер. с франц. Е. В. Баевской. М.: Наука, 2002. 496 с.
- 8 *Гиляров Ф.* Пересказы русской начальной летописи. М.: Тип. современных известий, 1878. 456 с.
- 9 *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: АСТ, 2004. 671 с.
- 10 *Грязнова О. И.* Современная отечественная историография о проблеме крещения Ольги: традиция и новаторство // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 3. С. 8–14.
- 11 *Дубов И. В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 176 с.
- 12 *Иаков Мних.* Память и похвала Владимиру // *Богуславский С. А.* К литературной истории «Памяти и похвалы Владимиру» // Известия От-

- деления русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 29, 2. С. 141–153.
- 13 *Ибн-Даста*. Книга драгоценных сокровищ // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собрание, перевод и объяснения Гаркави А. Я. СПб.: Тип. современных известий, 1870. С. 260–270.
- 14 *Ибн-Фадлан*. Записки путешественника // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джексона, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Наука, 2009. Т. 3: Восточные источники. С. 65–77.
- 15 Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1878. Ч. 1. 192 с.
- 16 *Иоанн Менеций*. О языческих обычаях прусов, ливов и других языческих народов // *Шафарик П.* Славянские древности. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1837. Т. 2. С. 149–153.
- 17 *Карнов А. В.* Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. 376 с.
- 18 *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М.: Изд-во АН СССР, 1989. 337 с.
- 19 *Котляревский А. А.* Собр. соч.: в 3 т. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1893. Т. 3: Погребальные обычаи древних славян. 493 с.
- 20 *Костриков К. Н.* Образ великой княгини Ольги в истории Древней Руси // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 1 (101). С. 39–42.
- 21 *Леонид, архимандрит*. Несколько новых замечаний к нашей статье «Откуда родом была св. великая княгиня Ольга» // Киевская старина. 1889. № 10. С. 1–8.
- 22 *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» императора // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI международному конгрессу византистов. М., 1982. С. 81–89.
- 23 *Маврикий Стратег*. Тактика и Стратегия / пер. с лат. А. С. Цыбышева. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1903. 214 с.
- 24 *Мальшевский И.* Происхождение русской великой княгини Ольги святой // Киевская старина. 1889. № 7. С. 1–27.
- 25 *Морозова Л. Е.* Государственная деятельность княгини Ольги // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 4 (12). 2015. С. 31–41.
- 26 *Моця А. П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Київ: Наук. думка, 1990. 154 с.
- 27 Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л.: Наука, 1950. 356 стб.
- 28 Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
- 29 *Прохоров А. А.* Образ княгини Ольги в легендарно-мифологической традиции белорусских земель // Вестник Псковского государственного университета. 2013. № 2. С. 24–32.

- 30 Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства. М.: Наука, 1988. 416 с.
- 31 Регион Прюмский. Хроника с «Продолжением» // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Наука, 2010. Т. 4: Западноевропейские источники. С. 44–49.
- 32 Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
- 33 Срезневский И. Словарь русского языка. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 2. 979 с.
- 34 Толочко П. П. Древний Киев. Киев: Наук. думка, 1989. 326 с.
- 35 Хроника русская (Летописец вкратце) // Русские летописи, изданные Н. П. Никифоровым. М.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1897. Ч. 1–2. С. 9–27.
- 36 Фотомеханическое воспроизведение Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи. СПб., 1902. 617 л.
- 37 Юшков С. В. Общественный строй и право Киевского государства. М.: Наука, 1949. 543 с.
- 38 Thietmari. Chronikon Slavorum. Lublin, 1902. 1018 p.

© 2017. Mikhail N. Kozlov
Sevastopol, Russia

GRAND PRINCESS OLGA: FROM HIGH PRIESTESS TO A WELL-KNOWN ENLIGHTENER OF RUS'

Abstract: The subject of this research are historical events associated with the reign of one of the most vivid personalities of the old Russian history, Princess Olga. The main purpose of this article is a historical reconstruction of the events of 944–945 basing on a chronicle legend about the revenge of the Grand Duchess on Drevlians, as well as a number of Byzantine, West German written sources and folk tales and legends. Paper offers original historical analysis of the chronicle legend of the revenge of Princess Olga on Drevlians. The author touched on such archaic unexplored part of our culture as funerary rites of ancient military elite, pointing at a clear relationship between the old Slavic tradition of sacrifice of widows on the grave of distinguished warriors and the adoption of the Christian faith by Grand Princess.

Keywords: Princess Olga pagan customs, funeral rites, human sacrifice, the Christian faith, anti-princely insurgencies.

Information about the author: Mikhail N. Kozlov, DSc in History, Professor, The Sevastopol State University, University St., 33, 299053 Sevastopol, Russia. E-mail: kmn_75@mail.ru

Received: October 06, 2016

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Al-Masudi. Zolotye luga [Golden meadows]. *Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih s poloviny VII do konca X v.* [Stories of muslim writers about Slavs and Russians from the second half of the VII to the end of X cs.], the meeting, pearwood and explanations by A. YA. Garkavi. St. Petersburg, 1870, pp. 117–176. (In Russian)
- 2 Afanas'ev Y. I. Obraz knyagini Ol'gi v Pskovskih letopisyah [The image of Princess Olga in Pskov Chronicles]. *Pskov*, 2011, no 35, pp. 66–69. (In Russian)
- 3 Afanas'ev Y. I. Obraz knyagini Ol'gi v russkih letopisyah [The image of Princess Olga in Russian Chronicles]. *Pskov*, 2013, no 38, pp. 65–69. (In Russian)
- 4 Blifel'd D. I. *Davn'orus'ki pam'yatki Shestovici* [Ancient monuments of Sestovic]. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1977. 233 p. (In Ukrainian)
- 5 Borovskij YA. E. *Mifologicheskij mir drevnih kievlyan* [The mythological world of ancient Kievans]. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1982. 103 p. (In Russian)
- 6 *Velikaya Hronika o Pol'she, Rusi i ih sosedyah XI–XIII vv.* [The great chronicle of Poland, Rus' and their neighbors of the XI–XIII centuries], ed. V. L. YAnina. Moscow, MGU Publ., 1987. 264 p. (In Russian)
- 7 Gene B. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the medieval West], transl. from French by E. V. Baevskaya. Moscow, Nauka Publ., 2002. 496 p. (In Russian)
- 8 Gilyarov F. *Pereskazy russkoj nachal'noj letopisi* [Retelling of the Russian primary chronicle]. Moscow, Tipografiya sovremennyh izvestij Publ., 1878. 456 p. (In Russian)
- 9 Grekov B. D. *Kievskaya Rus* [Kievan Rus]. Moscow, AST Publ., 2004. 671 p. (In Russian)
- 10 Gryaznova O. I. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya o probleme kreshcheniya Ol'gi: tradiciya i novatorstvo [The modern domestic historiography on the problem of baptism of Olga: tradition and innovation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2014, no 3, pp. 8–14. (In Russian)
- 11 Dubov I. V. *Novye istochniki po istorii Drevnej Rusi* [New sources on the history of Ancient Russia]. Leningrad, LGU Publ., 1990. 176 p. (In Russian)
- 12 Iakov Mnih. Pamyat' i pohvala Vladimiru [The memory and praise to Vladimir]. Boguslavskij S. A. K literaturnoj istorii «Pamyati i pohvaly Vladimiru» [To the literary history of “Memory and praise to Vladimir”]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*, vol. 29, 2, pp. 141–153. (In Russian)
- 13 Ibn-Dasta. *Kniga dragocennyh sokrovishch* [The book of precious treasures]. *Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih s poloviny VII do konca X v.* [Stories of muslim writers about Slavs and Russians, from the second half of the VII – the end of the X cs.], collection, translation and explanation by Garkavi. St. Petersburg, Tipografiya sovremennyh izvestij Publ., 1870, pp. 260–270. (In Russian)

- 14 Ibn-Fadlan. Zapiski puteshestvennika [Notes of a traveler]. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov* [Ancient Rus in the light of foreign sources]. Anthology edited by T. N. Jackson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinov. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3: Vostochnye istochniki, pp. 65–77. (In Russian)
- 15 *Izvestiya Al'-Bekri i drugih avtorov o Rusi i slavyanah* [News of al-Bakri and other authors about Russia and the Slavs]. St. Petersburg, Izd-vo Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1878. Part 1. 192 p. (In Russian)
- 16 Ioann Menecij. O yazycheskih obychayah prusov, livov i drugih yazycheskih narodov [On pagan customs of the Prussians, Livonians and other pagan peoples]. Safarik P. *Slavyanskije drevnosti* [Slavonic antiquities]. St. Petersburg, Izd-vo Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1837, vol. 2, pp. 149–153. (In Russian)
- 17 Karpov A. V. *Knyaginya Ol'ga* [Princess Ol'ga]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 376 p. (In Russian)
- 18 Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej* [On governing the Empire]. Moscow, AN SSSR Publ., 1989. 337 p. (In Russian)
- 19 Kotlyarevskij A. A. *Sobranie sochinenij: v 3 t.* [Collected works: in 3 vol.] St. Petersburg, Izd-vo Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1893. Vol. 3: Pogrebal'nye obychai drevnih slavyan. 493 p. (In Russian)
- 20 Kostrikov K. N. Obraz velikoj knyagini Ol'gi v istorii Drevnej Rusi [The image of Grand Princess Olga in the history of Ancient Russia]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 2012, no 1 (101), pp. 39–42. (In Russian)
- 21 Leonid, arhimandrit. Neskol'ko novyh zamechanij k nashej stat'e «Otkuda rodom byla sv. velikaya knyaginya Ol'ga» [Some remarks to our article, “What is the background of the great Saint Princess Olga”]. *Kievskaya starina*, 1889, no 10, pp. 1–8. (In Russian)
- 22 Litavrin G. G. Sostav posol'stva Ol'gi v Konstantinopole i «dary» imperatora [The Embassy of Olga in Constantinople and “gifts” of the Emperor]. *Vizantijskie ocherki: Trudy sovetskih uchenyh k XVI mezhdunarodnomu kongressu vizantienistov* [Byzantine essays: the Works of Soviet scientists for the XVI international Congress of byzantinists]. Moscow, 1982, pp. 81–89. (In Russian)
- 23 Mavrikij Strateg. *Taktika i Strategiya* [Tactics and strategy], translation from Latin by A. S. Cybysheva. St. Petersburg, Izd-vo Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1903. 214 p. (In Russian)
- 24 Malyshevskij I. Proiskhozhdenie russkoj velikoj knyagini Ol'gi svyatoj [The origin of the Russian Grand Princess St Olga]. *Kievskaya starina*, 1889, no 7, pp. 1–27. (In Russian)
- 25 Morozova L. E. Gosudarstvennaya deyatelnost' knyagini Ol'gi [State activities of Princess Olga]. *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii*, 2015, issue 4 (12), pp. 31–41. (In Russian)
- 26 Mocya A. P. *Pogrebal'nye pamyatniki yuzhnorusskih zemel' IX–XIII vv.* [The funerary monuments of South Russian lands in IX–XIII centuries]. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1990. 154 p. (In Russian)

- 27 *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvoda* [The first Novgorod chronicle of senior and junior recension]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950. 356 p. (In Russian)
- 28 *Povest' vremennyh let* [The tale of bygone years], edition and preface V. P. Adrianovoj-Peretc. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 239 p. (In Russian)
- 29 Prohorov A. A. *Obraz knyagini Ol'gi v legendarno-mifologicheskoy tradicii belorusskikh zemel* [The image of Princess Olga in the mythological traditions of Belarusian lands]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 2, pp. 24–32. (In Russian)
- 30 Rapov O. M. *Russkaya cerkov v IX – pervoj treti XII vv. Prinyatie hristianstva* [Russian Church in IX – first third of XII centuries. Adoption of Christianity]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 416 p. (In Russian)
- 31 Reginon Pryumskij. *Hronika s «Prodolzheniem»* [Chronicle with the “Sequel”]. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov* [Ancient Rus in the light of foreign sources]. Anthology edited by T. N. Jackson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinov. Moscow, Nauka Publ., 2010, vol. 4: *Zapadnoevropejskie istochniki*, pp. 44–49. (In Russian)
- 32 Sedov V. V. *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in VI–XIII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 327 p. (In Russian)
- 33 Sreznevskij I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] Moscow, Kniga Publ., 1989. Vol. 3, part 2. 979 p. (In Russian)
- 34 Tolochko P. P. *Drevnij Kiev* [Ancient Kiev]. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1989. 326 p. (In Russian)
- 35 *Hronika russkaya (Letopisec vkratce)* [A Russian chronicle (Chronicler briefly)]. *Russkie letopisi, izdannye N. P. Nikiforovym* [Russian chronicles, published by N. P. Nikiforov]. Moscow, Izd-vo Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1897, part 1–2, pp. 9–27. (In Russian)
- 36 *Fotomekhanicheskoe vosproizvedenie Radzivilovskoj (Kenigsbergskoj) letopisi* [Photomechanical reproduction of Radzivil chronicle]. St. Petersburg, 1902. 617 p. (In Russian)
- 37 Yushkov S. V. *Obshchestvennyj stroj i pravo Kievskogo gosudarstva* [Social structure and law of Kievan state]. Moscow, Nauka Publ., 1949. 543 p. (In Russian)
- 38 Thietmari. *Chronikon Slavorum*. Lublin, 1902. 1018 p. (In Latin)